

Анна Панькова

СЕМЁН

16+

Анна Панькова

Семён

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67689830

SelfPub; 2022

Аннотация

Небольшая история о том, как любопытство вернуло потерянные воспоминания.

Анна Панькова

Семён

Шум инструментов не помогал заглушать мысли. Возможно, для того чтобы отвлечься, следовало помочь отцу и принять участие в починке телевизора, но сил не было. Они все были истрачены на подготовку к экзаменам. Выпускной класс, как-никак.

Сёма сидел в кресле мастерской и думал. Отец перед ним то и дело ругался на инструменты, телевизор, мать, самого Семёна, ещё на кого-то – точно понять было сложно.

На реальности невозможно было сосредоточиться. Каждый день Сёма впадал в тоску из-за пропавших воспоминаний. Из памяти словно вырвали огромный кусок, а после зловеще растоптали, уничтожив всякие надежды собрать всё воедино.

В такие моменты Сёма мог пропасть из жизни, взгляд становился стеклянным, направленным куда-то в пустоту. Это могло случиться где угодно: на уроке, во время похода в магазин, в неловкий момент молчания. Хотя, неловких моментов молчания для него в целом не существовало, у него всегда была возможность размышлять о вариациях своего прошлого.

Он не помнит себя до двенадцати лет. Совсем. Ничего. Жизнь началась с этого возраста.

Первое воспоминание – он очнулся на диване в светлом, ярко украшенном коридоре. Ему улыбалась милостивая женщина. Она сообщила, что за ним приехали родители, обращаясь к нему – «Семён», но он не чувствовал никакого причастия к этому имени. Словно оно принадлежало кому-то другому. И лица своего он тоже не помнил. И родителей. И всего остального.

На удивление спокойно, мальчик оглядел коридор и понял, что находится в детском доме. Это подсказала ему надпись на стене.

Детский дом «Воронёнок». Неужели жизнь тут настолько сурова, что дети вынуждены питаться трупами?

Семён удивился внезапной и, на самом деле, неуместной и глупой шутке, которая возникла в его голове. Видимо, способен справиться со стрессом.

В любом случае, никакой неловкости перед родителями не будет, потому что он их и в «прежней жизни» не знал.

Оглядевшись, Семёна заметил две двери. Одна выходила в тёмный уличный переулок, вторая – в другой коридор, что выглядел совсем иначе.

Стены издали казались металлическими, откуда-то слышался детский плач, и у Семёна даже не успело родиться желание рассказать о внезапной пропаже памяти. Вдруг его оставят здесь? Он не помнил ничего, но из-за страшного коридора место казалось жутким.

Кто знает, может, Божья милость, что он ничего не помнит?

Мальчик решил улыбаться женщине в ответ и дожидаться родителей, которые чуть позже отвезли его в тёплый, уютный дом. Там и началась новая жизнь.

Он ничем не отличался от обычных школьников его возраста. Общался с одноклассниками, ходил в разные кружки, среди которых был его любимый – волейбол. Иногда притворялся больным, чтобы не идти никуда и подольше поспать. Всем было всё равно на прошлое Семёна. И Семёну было всё равно на прошлое всех.

Это было так естественно, что Семёна рассказал о своей проблеме только спустя месяц. Новые родители хоть и выглядели очень напуганными, но не растерялись и тут же отправили к врачу.

Ему поставили «психогенную амнезию». По словам врачей, память была потеряна в результате сильного стресса.

Диагноз не показался Семёну приговором, попытки вернуть фрагменты прошлого не прекращались. Он попросил родителей обратиться в детский дом, где он, получается, рос, чтобы добыть хоть какие-то подсказки, но они сказали, что единственное, что у них есть оттуда – это сам Семён. Он был уверен, что они даже не пытались никуда обратиться, но показывать свое недовольство было стыдно – слишком много проблем от ребенка из чужой семьи, пусть и никому неизвестной.

Когда Семе исполнилось четырнадцать, он сам туда позвонил. Грубое «мальчик, мы тебя не знаем», заставило его сомневаться в том, что он вообще когда-то был в этом месте.

Тогда он сдался и решил жить как получится – с вырванным куском жизни.

И сейчас, сидя с отцом в мастерской, он очередной раз предался размышлениям.

Все ли я сделал, что мог?

А вдруг я забыл важного человека?

А вдруг на меня рассчитывали?

А вдруг... Из меня пытаются слепить кого-то, кем я не являюсь?

Меня могут убить?

Часто подобные бесконечные потоки мыслей заходили в опасные тёмные переулки, и для собственного спасения приходилось себя отвлекать.

Глубоко вздохнув, Семён осмотрелся и заметил на диване неподалёку какой-то журнал. Он открыл его, без особо интереса листая страницы, как вдруг наткнулся на один странный материал.

«Удивительные дети. Злодеи и спасители»

Надеясь заинтересоваться хоть чуть-чуть, Сёма принялся читать.

«Ваня, 10 лет

Ваня очень любит кошек, поэтому не мог оставаться в сто-

роне, когда во дворе они то и дело забирались на деревья и испуганно дрожали, ожидая спасения. Не смотря на низкий рост, мальчик забрался на ствол и спас котенка. С тех пор это для него почти как работа – выходить во двор несколько раз в день и следить за безопасностью животных».

Решив не останавливаться на одной истории, Сёма продолжил.

«Ангелина, 12 лет

По пути в школу спасла двух маленьких мальчиков из горящего здания. Их мать, вместе с самой Ангелиной, к сожалению, не успела выбраться из пламени. Родители девочки выделяют ее самоотверженность и героизм, из-за которого это, к сожалению, и случилось. Мальчики к моменту написания материала подросли, и теперь навещают не только могилу матери, но и девочки-спасительницы».

Сёма вздрогнул и наконец обратил внимание на отца, что всё ещё пытался усердно подружиться с техникой.

– Пап, а мама же как обычно вечером вернется?

– Ага... Ещё было бы хорошо, если бы к этому времени телевизор вернулся в гостиную.

Сёма хихикнул. Их семья жила более, чем в достатке, и могла позволить себе легко заменить сломанный телевизор, но отец всегда предпочитал чинить старое, чем приобретать новое. Хобби такое.

Семён продолжил читать.

«Павел, 8 лет

Паша в столь юном возрасте раскрыл личность маньяка, что на протяжении двух лет похищал детей. Он договорился заранее с полицейским, что выйдет на ночную прогулку, где и появится возможность поймать злоумышленника. Всё пошло по плану юного детектива».

Пока Сёма увлечённо читал, в голову без спроса закралась опасная мысль.

Что, если и он совершил подвиг, но попросту этого не помнит?

Сёма часто слышал от взрослых и детей, как важно помнить о своих достижениях, и в тяжёлые моменты судьбы хвалить себя за них. Что делать, когда значительная часть этих самых достижений стёрта – никто не рассказал.

Видимо, читать что-то подобное было не самой лучшей затеей, но Семёна было уже не остановить. Краем глаза он заметил подзаголовок «Теперь поговорим о злодеях...»

Сёма недоумевал. Как детей вообще можно назвать злодеями? Конечно, они могут быть чересчур жестокими, особенно среди сверстников, но ведь все их сомнительные цели связаны с желанием повеселиться, а не совершить невероятное зло. Разве не так?

Слишком сильное любопытство мешало понять суть написанного, давя своей тяжестью на виски, но Сёма не оставлял попыток.

«Степан, 10 лет

Малолетний убийца – третьеклассник школы 633 подлил

в общее ведро с чаем яд, который убил половину преподавательского состава и ещё часть учеников. Погибло 13 взрослых и 52 ребенка».

– И наверняка после этого там всё ещё пьют из этого вонючего ведра. – Семён сжал страницу в руке.

– Чего сказал? Ты в ведре сегодня хочешь ночевать? – Отец продолжал заниматься своим любимым делом – ворчать и чинить старое барахло.

– Нет-нет, я сказал, что у тебя всё отлично получается! – Сёма натянуто улыбнулся, хоть в этом не было нужды. Отец сидел к нему спиной.

– На меня чуть стена целая не свалилась, а ты говоришь, что всё у меня хорошо. Ай! – Отец ударился о какой-то из своих инструментов. – Но, кто знает, может и это к лучшему.

Статья в журнале всё не заканчивалась.

«Неизвестный, по прогнозам младше 15 лет

Детский дом зачастую не ассоциируется у детей с чем-то безопасным. После этого случая – тем более. Мальчик зарезал кухонным ножом почти всех детей и воспитательницу. Некоторых удалось спасти, но большинство, к сожалению, нет. В результате инцидента погибли 30 детей и 1 взрослый. Убийца предварительно забаррикадировал дверь и напал ночью».

Биение сердца отозвалось болью в груди Семёна. Насколько нужно быть жестоким, чтобы пойти на подобное?

Сёма про себя отметил, что было бы неплохо, если бы ре-

дакторы журнала объясняли причины таких поступков, а не просто ставили перед фактом. Получается, он, и все, кто это прочитают, будут бояться неизвестности, даже зная о произошедшем. Нечестно.

Он всё также продолжал читать, почему-то рассчитывая, что дальнейшие ужасы смогут отогнать ими же вызванную тревогу.

«Женя, 13 лет

Задушив четырех дворовых кошек, Женя не остановилась и решила немного заработать. Как сообщают мамы младшеклассников, она пыталась продать их детям, выдавая за спящих зверят. Бизнес не удался, хотя одну кошку она чуть не продала наивной первокласснице».

Семейную идиллию прервал истеричный смех самого Семёна. От испуга отец ударился головой о тумбочку.

– Сёма, ты совсем! Это тебе может голова нужна, чтобы стукаться, а я ей и думать могу!

– Прости-прости! Я сейчас перестану! – смех не прекращался.

Отец возмущенно цокнул, продолжая копать в телевизоре и что-то бессвязно ворчливо бормотать. Смех Семёна медленно утихал, он пытался вновь сконцентрироваться на тексте журнала.

«Артур, 9 лет

Средь бела дня, ученик 993 школы забил своего одноклассника камнем насмерть. Произошло это во дворе за

учебным заведением. Виновный три месяца скрывался от следствия, чем и привлёк всеобщее внимание».

Семён гордо кивнул сам себе после прочитанного. Ему был знаком этот случай, о нем не раз говорили в школе. Многие лично знали мальчика-убийцу, но Семёна он всегда пугал. Как можно дружить и общаться с тем, кто собственноручно забрал жизнь другого человека?

– Семён, оторвись на секундочку, – голос отца прервал поток мыслей. – Сходи в кабинет. Я там инструменты забыл.

Сёма лениво отложил журнал и со вздохом встал со старого дивана.

– Ихвати, пожалуйста, нож с кухни, – продолжил просьбу отец.

– Зачем, ты там колбасу решил пожарить? Всё настолько плохо? – Семён широко улыбнулся.

– Хы-хы, не колбасу, а всего лишь провода. Будешь умничать тут, без обеда останешься.

– Сейчас шесть часов вечера.

– А ты до сих пор не принес инструменты.

Признав поражение в словесном поединке, Семён покинул поле боя и направился в кабинет. Он редко бывал в этой комнате. Из всех мест в доме кабинет казался самым неинтересным. Там всегда валялась вонючая, как казалось Семёну, куча бумаг. Вонючая, потому что отбирает родительское время, заставляя разгребать помет из каких-то чисел, словно

кипа бумаг – это провинившееся животное.

Когда он открыл дверь кабинета, бумажки разлетелись по разным сторонам. Какие-то осели у Семёна на голове.

– Вот тебе и седые волосы, – устало произнес Сёма, брезгливо отбрасывая бумагу.

Он был готов сдаться в самом начале. Даже если в этой комнате и есть инструменты, их просто невозможно найти. Никакая лопата не в состоянии раскопать ни один предмет в таком количестве бумаг.

Коричневая обложка заставила Семёна передумать. Она выделялась среди болезненной серости пыльных документов.

Пачкая подошвой бумагу, что валялась где-то на полу, он направился к одному из шкафчиков, чтобы приглядеться к заветной обложке. Когда он принялся рассматривать ее поближе, то понял, что на ней ничего не написано. Семёну показалось, что это странно для книги, видимо, дневник.

Подглядывать плохо, но можно. Сёма открыл первую страницу.

«Да простит меня наш бюджет. Вернее то, что от него осталось».

Я сдаюсь. Я не могу найти деньги, чтобы отдать долги пятилетней давности, но купила этот дурацкий дневник. Коля узнал – убил бы. И правильно бы сделал.

Он может и дальше молчать, тихо меня ненавидя, а я так

больше не могу. Коля бы наверняка сказал, что все эти мысли у меня от безделья, что, если бы я, как он, пахала на двух работах без выходных, всё было бы иначе. Он не прав! Я хочу в это верить, хотя, даже если и прав, мне уже без разницы.

Я завела этот дневник, чтобы отвлечься от всего, и от этого дурачка в том числе, в итоге постоянно только и думаю, как он отреагирует на любое моё действие. Вот тут он, кстати, наверняка бы возмутился, а может и рассмеялся.

Я и в самом деле посмешище. Украла деньги на кассе у доброй тётушки за прилавком, чтобы отдать долг подонку. Кто я после этого?

Прости, дорогой дневник, я всё же пропишу. Хоть ты и не живой, я хочу, чтобы ты знал, кто я такая. Я тварь подвида обыкновенная или хуже. Невзрачная, но достаточно противная.

Последние три года я не могу работать из-за больных ног. Сам мой организм противится делать хоть что-то полезное. Морально помогать я тоже не в силах. Следует послушать Колю хоть секунду – у меня сразу начинает болеть голова. Ни там, ни сям. Нигде нет от меня пользы.

Дело не в том, что я всегда несчастная. Всё нормально до того момента, пока я не начинаю хоть что-то делать. Пыталась работать с документами, хотя бы просто заполнять, не думая – сразу начинает тошнить. Сидела через силу, потом блевала. Работа не шла совсем. Уволили. Справедливо.

Мы тогда много скандалили. Преимущественно я. Мне

было стыдно. Спасала надежда, что во время ссор он меня бросит, ударит или убьет. Ничего из этого не сделал. Вот тварь.

Злюсь на него несерьезно, просто хочется крикнуть хоть куда-то. Это, кстати, ещё одна моя черта. Я постоянно скандалю и кричу, но мне всегда мало. Когда муж говорит о моей несдержанности, становится очень обидно. Он и не догадывается, что мои крики лишь малая часть того, что я на самом деле испытываю. Говорить об этом в слух стыдно, я лучше сюда напишу.

Стыдно, потому что любые озвученные мной слова теряют вес. Я хочу хоть сколько-то себе оставить.

Дорогой дневник, подробно расписывать тебе нашу бытовуху я не могу и не хочу, но знай – всё плохо. Долгов много, а мы одни. Сводим концы с концами, муж работает, а я могу иногда подворовать чего. Проживем так, наверное, до самой смерти.

Ещё справедливо будет сказать, что началось всё с потери работы. Мне повезло – досталось место на крупной швейной фабрике, но как везение пришло, так и ушло. Она закрылась из-за коррупции и огромной долговой ямы, в которую случайно затянуло и сотрудников. Одним из таких была я.

Несложно догадаться, что за этим следовал переезд, необходимые долги по ситуации, ещё одни необходимые долги по ситуации. Ну и до сих пор мы их берем «по ситуации».

Дальше рассказывать не хочу. Пока. Спасибо, что выслу-

шал».

Семён закрыл дневник и присел на корточки, устремив взгляд куда-то вне пространства. Жалось, злость, непонимание, страх. Он не знал, как называется это чувство, но оно совмещало в себе всё сразу.

Внутри что-то рухнуло. И это что-то до сих пор падает вниз, стремительно достигая дна, если оно есть.

– Мама и папа, – не веря сам себе, произнес Семёна. – Мама и папа, с вами правда такое было?

Голос дрогнул. Захотелось плакать. Ещё обнять маму и папу.

Он глубоко вздохнул, мысленно пытаясь вытеснить плохие мысли простым любопытством. Как-то же родители выбрались из этой ямы бедности и отчаянья. Они даже нашли в себе силы ребёнка завести. Надо дочитать до этого. Необходимо продолжить, чтобы вернуть себя из тёмной пучины прошлого в светлое настоящее с любящей, счастливой семьей.

Семён снова открыл дневник, пролистывая рисунки и какие-то странные хаотичные записи, пытаясь скорее добраться до ответа. Всё-таки дверь кабинета не под защитой замка, кто угодно может войти.

Наконец его взгляд нашел, за что зацепиться.

«Нам в детском доме предложили взять ребенка, совсем

больные! Да кусочек хлеба больше в состоянии отвечать за будущее поколение, чем мы с Колей! Коля так вообще, фу!!!

Этот гений, как услышал про детей, сразу согласился взять их под свое бедное, грязное, вонючее крыло. Их обеспечение волнует его в предпоследнюю очередь. Всё-таки в последнюю его волнует, конечно, на что нам завтра мозг другу другу выносить. Долгов у нас, дорогой дневник, меньше не становится.

Предложили нам непростого ребенка. Именно по этой причине детскому дому было всё равно на наш доход. Вернее, на его отсутствие. Тут они с Колей чем-то похожи.

Главное, что мы в итоге никого не взяли».

Семён был немного расстроен, что потратил время зря. Иллюзии, что он найдет ответ на этой странице, были жестоко разрушены.

Дальше, почему-то, было несколько пустых страничек, и снова текст.

«Мы взяли дитя. Нам нечего терять».

Семён не понял, почему мама не рассказала о том, как они разбогатели. Ведь когда он впервые попал в дом новых родителей, бедностью там и не пахло. Приятно пахли лишь ароматные пирожные, а на вкус они были ещё лучше. Родители дали их попробовать Семёну с радостной улыбкой, од-

ним своим видом гарантируя счастливое будущее.

Может, у родителей просто неверное представление о бедности? Сейчас они тоже считают себя бедными?

В любом случае, надо дальше читать.

«Дорогой дневник, как думаешь, если бы я работала, этого можно было избежать?»

После этой строчки на всю страницу было изображено солнце, нарисованное тёмными чернилами. И лишь улыбка была окрашена в более привычный для настоящего солнца цвет – красный.

Пояснения к рисунку не было. Было непонятно, точно ли это рисовала мама.

«Дорогой дневник, мы избавились от долгов, но не от страхов. Теперь мы живём с убийцей под одной крышей».

Семён выронил дневник.

Родители до него воспитывали убийцу? Что с ним стало? Его в итоге забрали?

Сёма судорожно пролистывал страницы в поисках ответов.

«До чего же странные у него глаза, не знающие ни тепла, ни холода. Он всегда будто смотрит сквозь предметы. Во

время ужина я часто вижу, как он смотрит на тарелку пятнадцать минут, и только потом начинает есть. О чём он думает в этот момент? Я не уверена, что хочу знать.

Он же не хочет нас убить? Мы делаем как лучше, но как же страшно закончить, как те детишки в детском доме».

Семён всё меньше понимал, как родители могли взять кого-то настолько жестокого? Особенно в тяжелые времена. Этот поступок очень напоминает попытку самоубийства.

– Страшно закончить, как те детишки в детском доме, – шёпотом про себя проговаривает Семён.

Он вспомнил убийцу из журнала, который убил детей и воспитательницу в детском доме. Если эти случаи хотя бы отдаленно похожи, то Сёма был уверен, его родители – психи.

«В любом случае, все его странности можно свалить на потерю памяти в результате гипноза».

Гипноза?

– Нет, нет, нет. Мама врет, – Семён весь дрожит и пытается перелистнуть страницу. – Она обманывает.

Сам врач сказал, что память была потеряна в результате сильного стресса. И родители присутствовали в этот момент. Они даже жалели маленького Сёму, чьё детское сознание не справилось со слишком жестокой жизнью, предпочитая ли-

шить ребёнка памяти. Он был уже подростком, когда врач поставил этот диагноз, но родители жалели Семёна как малое дитя. Он не помнит жизнь до двенадцати, но этот момент никак не могла упустить его отчаявшаяся память, что и так растеряла много важных воспоминаний.

Сёме хотелось верить, что следующая страница дневника всё прояснит.

«Дорогой дневник, нам рассказали о прошлом мальчишки. Оно не даёт мне покоя, поэтому запишу в тебя хотя бы ключевые моменты.

У его отца было всего три занятия: пить, бить жену и ещё больше пить. Ходят слухи, что иногда он ходил на работу. Откуда-то же должны быть деньги на пожизненный алкоголизм. В какой-то момент этот недоотец так напился, что после того, как вырубил пустой бутылкой жену, принялся за молчаливого сына. Обычно послушный и боящийся сделать хоть один лишний шаг, мальчик начал вырываться и, схватив кухонный нож, избавил этот мир от непутевого папаши.

С матерью он поделиться этим достижением не смог – удар бутылкой оказался для неё летальным.

На этом трудности не закончились. В детском доме над ним постоянно издевались. Дети жестокие. Конечно, они не заслужили того, что с ними стало, но мне кажется, они его тоже медленно убивали.

Пока он спал, дети связывали его, чтобы после поместить

в мусорку. Иногда головой вниз – самая частая причина его обмороков.

Хотя его кровать в какой-то момент перестала отличаться от той же мусорки. Несколько полумертвых пчёл, ос, мух, фантиков и очень много паутины. Воспитательница сказала, что он мог заснуть и так, но я отказываюсь в это верить.

Записки с гадостями и драки были в его жизни постоянно, поэтому, однажды, он не выдержал и сделал то, из-за чего приюту захотелось побыстрее от него избавиться».

Он убил тех детей.

Пояснение Семёну не требовалось. Он сам всё вспомнил.

Как каждый день молился, что для очередного удара у отца не будет ничего тяжёлого под рукой. Как слёзы матери сначала вызвали жалость, потом раздражение. Как ему было стыдно за это чувство, когда она умерла. Как он мечтал узнать, какого засыпать без страха оказаться в мусорном ведре или под роем огромных насекомых. Как школьные тетради никогда не были подписаны его настоящим именем – лишь оскорбления украшали обложку.

Как воспитательница приказала помалкивать, не привлекая к себе лишнего внимания. Он её послушался. Перестал молчать – начал действовать.

Семён закрыл глаза, надеясь, что так он поставит действительность на паузу и даст бесконечной буре из мыслей успокоиться. Она не успокаивалась.

«Память прекрати, память прекрати, память хватит. Воспоминания не нужны, не нужны они мне были», – бессмысленная мантра пыталась остановить поток восстановившихся фрагментов памяти.

Он вспомнил лицо каждого, кого сначала привязал к изголовью кровати, чтобы никто не вырвался, а после зарезал огромном кухонным ножом.

Первый убитый был главным зачинщиком – первое оскорбление, первый удар, первый ужасный розыгрыш были получены от него – он действительно заслуживал быть первым. Второй был другом первого, стал издеваться за компанию, скорее, просто чтобы произвести впечатление на друга, Семён точно не знал, но его удары были больше остальных. Третий придумал эту идею с мусоркой. Четвертый с насекомыми. Пятый был ответственным за жвачки и кнопки на стуле у Семёна. Шестой ничего не делал – просто молчал. Седьмой больше всех любил подкладывать записки с оскорблениями. Восьмой пачкал одежду Семёна в грязи. Девятый писал в школьном дневнике Семёму гадости, чтобы потом учитель оставлял его после уроков. Десятый любил купать голову Семёна в унитазе. Одиннадцатый воровал у Семёму. Двенадцатый крал за компанию с одиннадцатым. Тринадцатый придумал идею продавать украденные одиннадцатым и двенадцатым вещи. Четырнадцатый идею тринадцатого реализовал. Пятнадцатый чаще всего эти вещи покупал. Шестнадцатый подсыпал в еду и чай Семёну насекомых. Семнадцатый чуть

не сломал Семёну руку. Окончательно ее добил восемнадцатый. Девятнадцатый был достаточно убедительным, чтобы доказать медсестре, что сломал себе её сам Семён. Двадцатый покалечил не Семёна, а двадцать первого. Двадцать первый сказал, что это сделал Семён. Двадцать второй громче всех смеялся, когда Сёма не выдерживал и плакал. Двадцать третий исписал тумбочку Семёна гадостями и странными, иногда жуткими рисунками. Двадцать четвертый любил во время тихого часа рисовать на лице Семёна. Двадцать пятый почти все издевательства фотографировал. Двадцать шестой записывал всё в своей книге «Семён», фантазией не отличался, поэтому так и назвал чтиво. Двадцать седьмой подкладывал к насекомым фантики. Двадцать восьмой распространял ужасные об и без того униженном Семёне слухи. Двадцать девятый сжёг любимую футболку Семёна. Тридцатый был когда-то Сёме другом.

Последней жертвой была воспитательница. Как раз та, что сказала молчать. И судя по её предсмертной гримасе, Семён опять сделал что-то не так.

Он и в самом деле убил всех этих людей. Отнял у них детство. Отнял жизнь.

Груз ответственности усиленно давил на мозг. Семён не знал, откуда ему взяться у такого монстра.

«Тебя же так любят!» – слабый голос надежды звучал в голове. И даже этой искорки Сёме хватило.

Родители его принимают таким, какой он есть, именно по-

этому он обязан дочитать этот дневник, чтобы лучше их понимать и, возможно, впоследствии посвятить этим благородным людям всю свою жизнь. Смотреть в глаза кому-то другому ему явно уже не по силам. Стыдно перед всеми, кто не знает, что на самом деле он – чудовище.

«Дорогой дневник, огромная сумма (не могу её написать – рука дрожать начинает), которую нам присылают за содержание мальчика, помогает на...»

Дальше читать нет смысла.

«На содержание монстра нужны большие деньги, это да», – надежда исчезла. Исчезло всё.

Прежняя семья, прежние проблемы, прежние радости исчезают, с каждой секундой они казались всё менее значимыми.

На самом деле он и им не нужен. И их он пугает. Они были бы рады избавиться от него. На совсем. Навсегда. В этом Семён был уверен.

Снизу послышался голос отца, или как его сейчас лучше назвать? Николая? Коли? Мужа мамы? Мужа Светланы? Супруга Светы?

Кто ему все эти люди?

– Ты чего там торчишь! – ещё недавно такой родной голос теперь звучал незнакомо.

– Да так, память себе возвращал, – шёпотом ответил Се-

мён.

Инструментов нет, но нож с кухни ему точно понадобится. Взяв нужный предмет за рукоять и, прокрутив несколько раз в руке, Семён спускается в подвал к отцу, по пути всё ещё проверяя надёжность ножа.